

О СИБИРСКИХЪ КРУГОВЫХЪ ПЬСНЯХЪ. — Прежде, нежели займусь своимъ предметомъ, я позволю себѣ удовольствіе—въ немногихъ словахъ обратиться къ г. редактору «Отечественныхъ Записокъ»:

Вы, милостивый государь, конечно сами знаете, какъ сильно заинтересовало Русскихъ объявленіе объ изданіи «Отечественныхъ Записокъ»: вы обѣщали намъ изображать въ нихъ жизнь нашего отечества — его быть общественный и частный, его успѣхи въ наукахъ, искусствахъ и промышленности, труды правительства и содѣйствіе частныхъ лицъ въ развитіи народнаго образованія, пояснять темныя мѣста въ нашей исторіи, раскрывать предъ нами домашнее наше житье-бытье въ повѣсти, въ очеркахъ нравовъ и обычаевъ, въ преданіяхъ, пѣсняхъ и пословицахъ — словомъ, *сроднять Русскихъ съ родною Русью изученіемъ ея исторической и настоящей жизни*.... И можно ли было не порадоваться изданію такого журнала? И можно ли *не* съ любознательностію читать его, а не перелистывать, какъ это случается съ иными журналами?

И—спасибо, совершенное спасибо вамъ за то, что сдержали вполнѣ ваше обѣщаніе: предъ нами уже четыре книжки «Отечественныхъ Записокъ», и онѣ выполнили все, что могли въ четыре только мѣсяца; всѣ статьи въ нихъ — или выраженіе жизни русской, или уроки истиннаго, изящнаго и полезнаго, взятые изъ современной исторіи человечества, для Русскихъ. Спасибо вамъ, и въ этомъ искреннѣйшемъ «спасибо» моемъ примите благодарность многихъ, за которыхъ я позволю себѣ высказать ее предъ вами.

Въ доказательство же справедливости моего «спасибо» посылаю вамъ статью: плата, конечно, ничтожная въ сравненіи съ тѣмъ удовольствіемъ, какимъ я одолженъ книжкамъ вашего журнала, по—за-то искренняя. Миѣ думается, что *ершико* скрывать отъ «Отечественныхъ Записокъ» то, что знаешь про Русь,

—и я увѣренъ, что это мнѣніе раздѣлитъ со мною всякій, кто внимательно читалъ вашъ журналъ, кто способенъ самъ судить о немъ и понимать завистливые крики минно-безкорыстныхъ и самопадынныхъ цѣнителей труда совѣстливаго и благородно-преданнаго пользы отечества.

Одного прошу: не стѣсняйтесь моимъ предложеніемъ вамъ статьи; годится она — помѣстите ее въ вашемъ журналѣ, неумѣстна — уничтожьте, и вѣрьте, что чувство уваженія къ цѣли и достоинству изданія «Отечественныхъ Записокъ» для меня дороже моего самолюбія.

Рѣчь моей статьи — «о сибирскихъ круговыхъ пѣсняхъ». Провѣдя юность въ Западной-Сибири, моей родинѣ, я сохранилъ въ памяти тѣ явленія ея жизни, которымъ, по времени собственной жизни, способнѣе былъ сочувствовать. Какъ помню, такъ и передаю ихъ вамъ, но помню вѣрно. Начну мою статью съ указкою исторіи:

Самую большую часть первоначальнаго народонаселенія Западной-Сибири составляли переселенцы изъ сѣверовосточныхъ областей Россіи, входившихъ древле въ составъ новгородскаго княжества. Эти люди, слышавъ о землѣ, щедро-надѣленной отъ природы всѣми житейскими потребностями, спѣшили за казакими и *пронышлеными*, какъ-бы за вожаками, въ сторону еще неизвѣстную. Наслѣдовавъ отъ предковъ своихъ предприимчивость и склонность къ молодечеству, одни изъ переселенцевъ въ свою очередь дѣлались казаками — людьми бездомными, для которыхъ дороже всего была воля да разгульная жизнь, хотя полная трудовъ и опасностей; другіе, люди семейные, подъ защитою срубасмыхъ казаками городковъ и остроговъ, основывали села и деревни.

Такимъ точно образомъ составилось и первоначальное народонаселеніе въ южной части Томской-Губерніи или въ Козьмодемьяновскренскомъ Горномъ Округѣ, отъ устья рѣки Томи до Иртыша, образовавшаго, съ 1716 года (со времени постройки, по правому берегу его, посылапными по повелѣнію Петра-Великаго на озеро Зайсанъ, генераль-майоромъ Лихаревымъ и подполковникомъ Бухгольцомъ крѣпостей и форпостовъ), границу съ Киргиз-Казаками и Зюпгарцами. Съ этого-то времени безпрестанно переселялись въ горный округъ жители пышнѣшихъ губерній Оловецкой, Архангельской, Вологодской и Пермской; однихъ

привлекали мѣстные выгоды, звѣриный и рыбный промыслы, мѣновая съ инородцами торговля, производившаяся безъ даня, безъ пошлины, — другихъ, придерживавшихся старообрядства, манили и дремучіе лѣса, въ которыхъ она устраивала такъ-называемыя *пустыни*, преимущественно въ Колыванскомъ и Барнаульскомъ Уѣздахъ, по Чумышу, Оёшу, Инѣ и Берди. Отправляясь въ новое отечество, переселенцы уносили съ собою, какъ заветное достояніе предковъ, повѣрья, сказки и пѣсни о былинахъ прежняго времени, которыя, передаваясь изъ рода въ родъ, сохраняются до-нынѣ въ народной памяти и, вѣроятно, съ небольшими измѣненіями. Повѣрья, сказки и пѣсни — общи всему православному народу; на всемъ неизмѣримомъ пространствѣ земли русской извѣстны онѣ, но въ Сибири найдется ихъ едва-ли не болѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ мѣстахъ. Сохраненію ихъ въ ней особенно способствовало то обстоятельство, что весь-почти сѣверовостокъ Россіи, удаленный отъ мѣстъ, гдѣ происходила вѣковая борьба русскаго народа за святую вѣру и отчизну, сначала съ Монголомъ и Татаринномъ, а послѣ съ Полякомъ и Литвинномъ, не испытывалъ иноземлага вліянія на семейную жизнь и нравы своихъ обитателей, и изъ ихъ-то потомковъ, въ-послѣдствіи составилось, какъ я уже сказалъ, первоначальное пародонаселеніе въ Западной-Сибири и въ горномъ округѣ.

Повѣрья, сказки и пѣсни заключаютъ въ себѣ драгоценныя свѣдѣнія о прежней жизни русскаго народа, его вѣрованіяхъ и мнѣологій; въ нихъ сохраняются, какъ справедливо замѣтилъ г. Сахаровъ (Сказанія Русскаго народа, часть 2, стр. III) и коренныя формы звучнаго языка нашего.

Любопытнѣйшія изъ этихъ самобытныхъ созданій народной поэзіи суть сказки и пѣсни, особенно поэмы о великомъ князѣ Владимірѣ Святославичѣ и подвигахъ сильныхъ, могучихъ богатырей его времени. Ни одно лицо изъ древней исторіи нашего отечества не оставило по себѣ столько воспоминаній въ народной памяти, какъ *ласковый Владиміръ князь*, не смотря на вѣка, отдѣляющіе время княженія его отъ настоящаго. Многія изъ сказокъ и пѣсень о немъ я не-разъ слышалъ самъ въ горномъ округѣ; сказки однакоже извѣстны у насъ болѣе, потому, можетъ-быть, что рассказывающій держится только главной нити происшествія, позволяя себѣ украшать рассказъ

свой такъ-называемыми *присказками*, чего нельзя сдѣлать съ пѣснями; онъ хотя и состоятъ не изъ рифмованныхъ стиховъ, но опущеніе одного изъ нихъ должно неминуемо дѣлать пѣсню неясною; а чтобы замѣнить забытый стихъ другимъ, нужно имѣть народнымъ Баяпамъ даръ поэзіи, непогимъ и между образованными людьми удѣляемый природою. Изъ сказочниковъ я зналъ одного, многимъ извѣстнаго инвалида въ Доктевскомъ Заводѣ, Семена Иванова Божица, человѣка неграмотнаго, но обладавшаго необычайною памятью и даромъ слова. Сказки его были различнаго содержанія; и тѣ изъ нихъ, которыя заключали въ себѣ богатырскіе подвиги витязей русской земли, отличались особенно плавнымъ рассказомъ; выраженія въ нихъ были благородны и правильны.

Поэмы можно слышать также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горнаго округа, но болѣе всего я слышалъ ихъ отъ одного почтеннаго старика, мѣщанина Ивана Максимова Калистратова, такъ же, какъ и Божица неграмотнаго. Онъ состояли изъ бѣлыхъ стиховъ, совершенно-такого же размѣра, какъ въ поэмахъ Кириши Данилова; напѣвы ихъ сходствовали нѣсколько съ напѣвами плясовыхъ пѣсень; мѣра такта скорая. Содержаніе почти-то же самое, какъ въ нѣкоторыхъ поэмахъ Данилова, напр: «Три года Добрынюшка столничалъ», «Какъ у Спаса къ обѣдинъ звонять», «Кто травника не видалъ», «Гость Терентинце» и проч. Калистратовъ, сверхъ того, былъ *знахарь* и дружка свадебный, скрипачъ и лекарь деревенскій.

Обстоятельства, нисколько отъ меня независящія, заставляютъ ограничиться только краткимъ очеркомъ сказокъ и пѣсень о временахъ давпоминувшихъ *; но позволяю себѣ сдѣлать одно замѣчаніе, что многія изъ пѣсень, извѣстныхъ не только въ горномъ округѣ, но вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ Си-

* Не смотря на эти *обстоятельства*, мы покорнѣе просили бы почтеннаго автора этой статьи, столь хорошо по-видимому знакомаго съ нашей народною поэзіею, заняться собираніемъ упоминаемыхъ имъ сказокъ, поэмъ и пѣсень. Все это должно быть любопытно и важно въ высшей степени. Мы, съ своей стороны, готовы удѣлить ему значительное мѣсто въ журналѣ для печатанія этихъ драгоценностей, обвѣщая ему заранѣе благодарность отъ всѣхъ русскихъ читателей, понимающихъ чрезвычайную важность подобныхъ свидѣній въ настоящее время. *Ред.*

бири, имѣють величайшее сходство, по стихамъ и содержанію, съ поэмами Кириши Данилова; почему не справедливѣ ли думать, что тѣ и другія созданы народнымъ воображеніемъ, и что, по-этому, Даниловъ собралъ только нѣкоторыя поэмы въ одно цѣлое, а не сочинилъ ихъ? Доказательствомъ этого можетъ служить языкъ Сибиряковъ: коренной типъ его есть новгородское нарѣчіе, изобилующее словами летописей, неизвѣстными уже нынѣ жителямъ Россіи, а этии-то самымъ нарѣчіемъ я писаны поэмы Данилова, происхожденія которыхъ, слѣдовательно, должно отыскивать на сѣверовостокъ нашего отечества, откуда перенесены многія изъ нихъ и въ Западную-Сибирь.

Собраніе въ одно цѣлое сказокъ и пѣсень, о которыхъ говорю я, и критическое изслѣдованіе ихъ требуютъ продолжительнаго времени и досужной любви къ такому роду благороднаго занятія, и посему ждетъ еще трудолюбиваго изыскателя; а какія важныя пособія доставили бы они при объясненіи многихъ явленій не только въ жизни нашихъ предковъ, ихъ нравовъ, обычаевъ, но и въ исторіи отечества! Отъ души желаю, чтобы кто-нибудь, болѣе меня знакомый съ занятіями такого рода, посвятилъ досугъ свой на это важное дѣло. Я обращусь къ другому разряду пѣсень неменѣе древнихъ, извѣстныхъ во всемъ горномъ округѣ, какъ говорится, старому и малому, горожанамъ и сельскимъ; пѣсни эти суть круговыя. Объяснюсь напередъ, что говоря, о горномъ округѣ Кольвановоскресенскихъ Заводовъ, разумѣю все вообще русское народонаселеніе, заключающее въ себѣ болѣе 300 т. человекъ; но въ этомъ народонаселеніи нравы горожанъ и сельскихъ жителей не представляютъ слишкомъ рѣзкаго отличія одни отъ другихъ;—а число служащихъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ относительно къ цѣлому народонаселенію весьма-малое. И по-этому представляемая мною пѣсни извѣстны почти-всей массѣ обитателей горнаго округа, тѣсно сроднены съ ихъ памятью, *повсюдно* и *всегда* участвуютъ въ лучшихъ мгновеніяхъ жизни тамошней; ими пополняется удовольствіе въ отдыхъ отъ трудовъ, ими сопровождаются и праздники семейнаго быта, и обычай исключительнаго веселья въ извѣстныя времена года; ими потѣшаются старики, какъ завѣтнымъ достояніемъ отъ давпоминувшей жизни, какъ отголоскомъ старины, нѣкогда испытанной соб-

ственными ихъ сердцемъ; ими тѣшится и молодёжь, сочувствуя въ нихъ радости, горю и любовнымъ затѣямъ отцовъ и дѣдовъ, и выражая въ нихъ задушевные чувства и желанія собственной юности и любви. Слѣдовательно, общезвѣстность круговыхъ пѣсень въ горномъ округѣ, сохраненіе ихъ въ тамошнемъ общежитіи и преемственное пристрастіе къ нимъ стариковъ и молодёжи обоюга пола—убѣдительно ручаются за ихъ древность и за происхожденіе изъ сердца русской жизни.

Круговыми пѣснями потому такъ называются онѣ, что играющіе дѣвушки и молодые мушны, берутъ другъ друга за руки, становятся въ кругъ, и потомъ, запѣвъ *круговую*, начинаютъ ходить въ одну которую-нибудь сторону, скоро или медленно, смотря по такту пѣсни. Начиная съ перваго дня святой недѣли до Троицы, онѣ поются на улицахъ, отъ вечера до поздней ночи; но съ троицына-дня и далѣе, съ наступленіемъ постовъ и *страды*, т. е. времени сѣнокоса, жатвы, уборки льна и другихъ сельскихъ работъ, рѣдко слышны *круговыя* пѣсни, и то развѣ на однихъ *подмогахъ*. Съ половины же сентября мѣсяца, или съ наступленіемъ *супрятокъ*, *капустокъ* и *ветѣрокъ*, круговыя пѣсни входятъ опять въ права свои; и вездѣ услышите ихъ, въ городахъ и деревняхъ, въ домахъ чиновниковъ и купцовъ, заводскихъ мастеровыхъ и крестьянъ. Прѣвращаясь филиповымъ-постомъ, онѣ поются съ Рождества, до окончанія масляницы, на *супряткахъ*, *ветѣркахъ* и свадьбахъ. Если *кругъ* состоитъ изъ большаго числа играющихъ, то они, идя въ которую-нибудь сторону, образуютъ движущуюся фигуру на-подобіе подковы, не разрывая впрочемъ круга, такъ что одни изъ играющихъ составляютъ вышнюю, другіе внутреннюю линію фигуры, раздѣляясь одна отъ другой на равное подково-образное разстояніе.

И какую чудную картину представляетъ эта смѣсь пестрыхъ нарядовъ горожанокъ или деревенскихъ дѣвушекъ, особенно въ тихій весенній вечеръ, при заревѣ *паловъ*! Кругъ, словно огромный змѣй, то свертывается въ кольцо, то вьется по прихоти запѣвала.

Круговыя пѣсни—любимыя у жителей горнаго округа Кольвановоскресенскихъ Заводовъ; онѣ поются на всякой свадьбѣ и вечеринкѣ. Напѣвы этихъ пѣсень вообще пріятны, и въ большей части ихъ обладаетъ то же чувство грусти, какъ и во

всѣхъ почти пѣсняхъ русскаго народа. Хороводы Охтенокъ не дадутъ вамъ никакого понятія о сибирскихъ круговыхъ пѣсняхъ, и по исполненію и по напѣвамъ.

Содержаніе круговыхъ пѣсень бываетъ различно, но всегда относится къ семейной жизни. Тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ жалобу жены на ревниваго мужа, или дѣвушки на строгость отца и матери, или тоску молодежи по волѣ дѣвичей, отличаются напѣвами протяжными, слѣдовательно и медленнымъ тактомъ; другія же, насмѣшливаго содержанія, поются скоро и съ приплясываніемъ. Приводя здѣсь нѣкоторыя особенно-любимыя въ Колывановоскресенскихъ Заводахъ, я долженъ замѣтить, что первыя десять пѣсень называются отъ тамошнихъ жителей, собственно-круговыми; остальные же, хотя и принадлежатъ къ тому же разряду, но такъ-какъ сопровождаютъ всегда играми, сообразными словамъ пѣсни, то и называются по предмету игръ, напр., *ско.порохольцъ*, *воробушкокъ* и проч. и проч. Вотъ собственно-круговыя пѣсни:

1.

Ахъ, вы бѣлыя, бѣлыя лички мои,
 Листовы алы румянички,
 Сокатитесь со бѣла лица долой;
 Ужь какъ вѣдетъ мой ревнивый мужъ домой:
 Онъ весьма, весьма-сердитъ на меня,
 Сильно, больно, принафыпился.
 Онъ везетъ, везетъ гостинецъ дорогой:
 Шелковую плетъ подъ правую полой.
 Я не знаю, млада, пени и вины,
 Никакой большой проступки надъ собой;
 Только знаю одну пешю и вину:
 У сосѣдушка бесѣдушка была;
 Я не звана на бесѣдушку пришла;
 Трѣю, двѣю, я по горенкѣ прошла,
 Пятью, шестью, по новымъ по сѣнямъ;
 Холостому стаканъ меду поднесла,
 А жепатому зеленаго вина;
 Холостой, дуракъ, на пожепку ступалъ,
 Ко стакану бѣду ручку придавилъ,
 О стаканчикъ золотъ перстень изломалъ;
 При людяхъ меня сестрицей называлъ,
 Безъ людей — сизой голубушкою;

«Ахъ ты, любушка, голубушка моя,
 Поглянулась мнѣ походочка твоя,
 Поглянула твой умилный взглядъ,
 Поглянула веселой твоей поцалуй.»

2.

На горѣ, горѣ, пѣтухи поютъ,
 Подъ горой, горой, братцы тѣшатся,
 Они тѣшатся, потѣшаются,
 Въ Коломаны городъ снаряжаются.
 Ужъ какъ я млада, молодѣшенька,
 По новымъ сѣнямъ съ переходами,
 Подыма шубу соболоную,
 Чтобы шубочка не прошумѣла,
 Златы пуговицы не пробрякнули;
 Не услышалъ бы мой лютой свекоръ,
 Не сказалъ бы онъ своему сыну,
 Своему сыну, моему мужу.
 Ужъ какъ мой-то мужъ горька пьяница;
 Онъ безъ пива пьянъ, безъ вина хмѣленъ:
 Онъ безъ плеточки меня высѣчетъ,
 Безъ шелковыя меня выучитъ.

3.

Какъ у насъ было во садичкѣ,
 Во зелепомѣ виноградничкѣ,
 Соловейко громко пѣсеньки поетъ;
 Онъ поетъ, поетъ, насвистываетъ;
 Краснымъ двушкамъ пазолушку даетъ.
 Вы красуйтесь, красны двушки,
 У родимаго у батюшки,
 У родимыя у матушки.
 Неровнюшка за-мужъ выйдется,
 Неровень дуракъ навяжется,
 Либо пьяница - тарыга съ кабака.
 Мпшвалася моя дѣвья красота,
 Какъ со калиною, со малиною,
 Съ черной ягодою смородиною,
 Нажила я себѣ мужа дурака.
 Онъ дуракъ, дуракъ, дурачій сынъ,
 Съ дураками, дуракъ, знается,
 Со боярами не водится, дуракъ!
 Каждый день онъ папивается;

Онъ въ кабакъ идетъ, какъ маковъ цвѣтъ цвѣтеть, —
 Съ кабака идетъ, какъ мать родила,
 Во черной грязи валется,
 Надо мпой, бѣдной, ломается,
 Заставляетъ разувать, раздвѣять,
 Заставляетъ буйну голову чесать.
 У меня-ли молодѣшенькой,
 Мои рученьки блѣшеньки,
 На рукахъ перстни златѣшеньки :
 Бѣлы ручки замараются,
 Златы перстни распаяются.

4.

На горь, горь высокой,
 Во избѣ, избѣ сосновой,
 На скамеечкѣ дубовой,
 Молодецъ въ гусли играетъ,
 Свою Дуню утышаетъ.
 Ахъ, вы, дѣвушки, пляшите,
 Вы, молодушки, играйте,
 На меня млада, не дивуйте;
 Ужъ какъ я, млада, сговорена,
 За купца, купца, молодого,
 За прищипка холостого.
 Мой-то суженой молодецекъ,
 Умомъ, разумомъ глупенекъ.

5.

Ахъ, ты садъ ли мой, садочикъ,
 Садъ зелено-виноградье,
 Виноградье, ненаглядье!
 Не у мѣста садъ, ты, выросъ;
 Не у мѣста, въ чистомъ полѣ;
 Ты повыросъ бы, садочикъ,
 У батюшки въ огородъ,
 Въ огородъ, въ частоколь :
 Я умѣла бы водиться,
 Чѣмъ полить, чѣмъ покрыти,
 Поливала бы садочикъ,
 Той водою, непростою,
 Непростою, ключевою;
 Покрывала бы садочикъ
 Тонкимъ бѣлымъ полотенцемъ.

Тотъ дуракъ, дуракъ на свѣтъ,
 Кто женатаго полюбить;
 Что женатой — воръ проклятой,
 Въ саду съ дѣвицей гуляеть,
 Погулявши, домой придетъ
 И своей женѣ расскажетъ,
 Онъ расскажетъ ей, закажетъ.
 А его жена-зловѣйка
 Съ кѣмъ соидется, съ тѣмъ брашится,
 Мною дѣвицей корится.
 Тотъ уменъ, уменъ на свѣтъ,
 Холостова кто полюбить:
 Холостой, сизый голубчикъ,
 Въ саду съ дѣвицей гуляеть,
 Погулявши, домой придетъ,
 Своей матушкѣ расскажетъ,
 Онъ расскажетъ, не закажетъ;
 Его матушка-то добра:
 Съ кѣмъ соидется, съ тѣмъ мирится,
 Мною, дѣвицей, хвалится:
 «Ахъ, какъ эта-бы дѣвица,
 Моему сыну сестрица!»

6.

Черезъ рѣченьку жестиночка лежала
 Черезъ быструю сырая лежала.
 Что никто по той жестиночкѣ не пройдетъ,
 Что никто слѣдка не проложить.
 Случилось мимо ѡхати торговымъ,
 Молодымъ купцамъ, всженатымъ.
 Они спрашивали, говорили:
 Еще что у насъ въ торгу здешевѣло?
 Здешевѣлися въ торгу стары старушки:
 По семи старухъ ма полушку,
 А осьмая-то старуха на придачу,
 А девятая старуха въ кашевары.

Черезъ рѣченьку жестиночка лежала,
 Черезъ быструю сырая лежала;
 Что никто по той жестиночкѣ не пройдетъ,
 Что никто слѣдка не проложить.
 Случилось мимо ѡхати торговымъ,
 Молодымъ купцамъ, неженатымъ;
 Они спрашивали, говорили:
 Еще что у насъ въ торгу вздорожало?

Вздорожали въ торгу красныя дѣвицы :
 Что одна красна дѣвица рублей во сто,
 Ея русая коса въ полтораста;
 А дѣвицья красота въ полтретьяста,
 А самой красной дѣвицѣ цѣны нѣту.

7.

Изъ бору, бору,
 Изъ зеленова,
 Шумѣла, гремѣла
 Быстрая рѣчка;
 По той, по той рѣченкѣ
 Калина, малина,
 Калина, малина,
 Калиновый мостикъ;
 На томъ на мосточкѣ
 Лежить мостовина;
 На той мостовинѣ
 Сидитъ голубина,
 Сидитъ голубина,
 Рѣзвы ножки мость.
 Мыла, мыла ноженьки,
 Перемывала;
 Свои сизы перышки
 Перебирала.
 Перебравши перышки,
 Сама взворковала :
 «Завтра по-утру
 Радость будетъ;
 Радость будетъ,
 Веселья прибудетъ;
 Веселья прибудетъ—
 Батюшка будетъ.»
 — Не воркуй, не воркуй,
 Сиза голубина;
 Это мнѣ не радость,
 Это — не вселье!

Изъ бору, бору,
 Изъ зеленова,
 Шумѣла, гремѣла
 Быстрая рѣчка;
 По той, по той рѣченкѣ
 Калина, малина,
 Калина, малина,

Калиновый мостикъ;
 На томъ на мосточкѣ
 Лежить мостовина,
 На той мостовинѣ
 Сидитъ голубина,
 Сидитъ голубина,
 Рѣзвы ножки мость.
 Мыла, мыла ноженьки.
 Перемывала,
 Свои сизы перышки
 Перебирала;
 Перебравши перышки,
 Сама взворковала :
 «Завтра по-утру
 Радость будетъ;
 Радость будетъ,
 Веселья прибудетъ;
 Веселья прибудетъ—
 Матушка будетъ.»
 — Не воркуй, не воркуй,
 Сиза голубина,
 Это мнѣ не радость,
 Это — не вселье!

Изъ бору, бору,
 Изъ зеленова,
 Шумѣла, гремѣла
 Быстрая рѣчка;
 По той, по той рѣченкѣ
 Калина, малина,
 Калина, малина,
 Калиновый мостикъ;
 На томъ на мосточкѣ
 Лежить мостовина,
 На той мостовинѣ
 Сидитъ голубина,
 Сидитъ голубина,
 Рѣзвы ножки мость.

Мыла, мыла ноженьки,
Перемывала,
Свои сны перышки
Перебирала;
Перебравши перышки,
Сама взворковала:
«Завтра по-утру

Радость будеть,
Радость будеть,
Веселья прибудеть;
Веселья прибудеть —
Миленькій будеть»
— Вотъ это мнѣ радость,
Это мнѣ—веселье!

8.

Во саду ли, въ огороде
Двѣнца гуллѣ;
Невеличка, круглоличка,
Съ личика бѣленька.
Подходилъ къ саду, къ огороду
Удалый молодчикъ;
Онъ и звалъ красну-двѣнцу
Въ сырѣ боръ по грузочкѣ.
Я не йду, не йду съ тобою,

Ножки приустануть;
Заложь, милый, карету,
Я сяду, поѣду;
Заложь, милый, другую —
Я сяду въ любую;
Заложь, милый, и третью,
Да садись самъ съ плетью;
Заложь, милый, четверту,
Повѣжай самъ къ чорту.

9.

На горь-то сырой дубъ,
Подъ горой береза;
Между дубомъ и березой
Рячка протекала;
Рячка, рячка невеличка,
Собой глубоконыка.
Нельзя, нельзя воду пить,
Нельзя почерпнути,
Нельзя, нельзя жену бить,

Нельзя поучить.
Ужъ я билъ жену часочкѣ,
Самъ плакалъ годочкѣ;
Сушилъ, крушилъ ясны очи
По всѣ темны ночи;
Какъ по всѣ ли темны ночи
И ясны десечки;
Истратился, издержался
На разны лекарства.

10.

Ай, во полѣ, ай, во полѣ,
Ай, во полѣ калина;
Подъ калиной, подъ калиной,
Подъ калиной малина;
Подъ малиной, подъ малиной,
Подъ малиной двѣнца
Рвала цвѣты, рвала цвѣты,
Рвала цвѣты съ травы;
Выла вънокъ, аѣла вънокъ,
Выла вънокъ на главу.
Сама падъ нимъ, сама падъ нимъ,

Сама надъ вѣнь всплакала,
 А всплакавши, а всплакавши,
 А всплакавши говорить:
 «Кому мой вѣнь, кому мой вѣнь,
 Кому вѣнь достанешься?»
 Достанусь я, достанусь я,
 Достанусь я старому.
 «Я старова, я старова,
 Я стара мужа на смерть не люблю;
 Съ старымъ мужемъ, съ старымъ мужемъ,
 Съ старымъ мужемъ гулять не пойду;
 За младава, за младава,
 За младава убѣгу;
 Я младава, я младава,
 Я млада мужа на смерть люблю;
 Съ младымъ мужемъ, съ младымъ мужемъ,
 Я съ младымъ мужемъ гулять пойду!»

Слѣдующія пѣсни сопровождаютъ играми. Иногда играющіе становятся въ кругъ; на средину выходитъ одинъ изъ молодыхъ, представляющій мужа, и дѣвушка, представляющая жену; разумеется, при этомъ должно быть обоюдное согласіе, потому-что игра оканчивается примиреніемъ жены съ мужемъ и поцалуями. Условясь такимъ образомъ, играющіе хоромъ начинаютъ пѣть:

11.

Посмотрите-ка, добрые люди,
 Что жена-то меня молодца не любить,
 Что, животь-сердце, ненавидитъ.
 Я поѣду во Китай-городъ гуляти,
 Что закупочки закупати;
 Я куплю для ней диковишну камочку;
 Припримайся, жена, не ломайся.
 Посмотрите-ка, добрые люди,
 Что жена-то меня молодца не любить,
 Что злодѣйка, лиходейка ненавидитъ.
 Я поѣду во Китай-городъ гуляти,
 Что закупочки закупати.
 Я куплю для ней шелковую да плетку.
 Припримайся, жена, не ломайся.
 Посмотрите-ка, добрые люди,
 Какъ жена-то меня молодца взлюбила.

Подъ напѣвъ этой пѣсни дѣвушка ходитъ въ кружокъ, отворачиваясь отъ молодца, представляющаго мужа, который заглядываетъ въ ясныя очи и ласкается къ ней; она отворачивается отъ него, когда онъ предлагаетъ ей и подарокъ; но при словахъ: «Я куплю для ней шелковую да плетку»—вдругъ пропадаетъ спѣсъ дѣвушки, она сама начинаетъ ухаживать за мужем-молодцемъ, потомъ обнимаетъ его и целуетъ.

При пѣніи слѣдующей пѣсни всѣ становятся въ кружокъ, постуная сообразно словамъ пѣсни, оканчивающейся примрениемъ и поцалуямъ.

12.

Варили дѣвицы
 Пьяное пиво—
 Ладо, ладо, ладо,
 Пьяное пиво.
 Что у насъ будетъ
 Въ этомъ пивѣ?
 Ладо, ладо, ладо,
 Въ этомъ пивѣ?
 Мы пива напьемся
 И всѣ испосадемъ—
 Ладо, ладо, ладо,
 И всѣ испосадемъ.
 Варили дѣвицы
 Пьяное пиво—
 Ладо, ладо, ладо,
 Пьяное пиво.
 Что у насъ будетъ
 Въ этомъ пивѣ?
 Ладо, ладо, ладо,
 Въ этомъ пивѣ?
 Мы пива напьемся
 И всѣ исповстанемъ.
 Ладо, ладо, ладо,
 И всѣ исповстанемъ.
 Варили дѣвицы
 Пьяное пиво —
 Ладо, ладо, ладо,
 Пьяное пиво.
 Что у насъ будетъ
 Въ этомъ пивѣ?
 Ладо, ладо, ладо,
 Въ этомъ пивѣ?

Мы пива напьемся
 И всѣ подеремся.
 Ладо, ладо, ладо,
 И всѣ подеремся.
 Варили дѣвицы
 Пьяное пиво;—
 Ладо, ладо, ладо,
 Пьяное пиво.
 Что у насъ будетъ
 Въ этомъ пивѣ?
 Ладо, ладо, ладо,
 Въ этомъ пивѣ?
 Мы пива напьемся.
 И всѣ разоидемся.
 Ладо, ладо, ладо,
 И всѣ разоидемся.
 Варили дѣвицы
 Пьяное пиво;—
 Ладо, ладо, ладо,
 Пьяное пиво.
 Что у насъ будетъ
 Въ этомъ пивѣ?
 Ладо, ладо, ладо,
 Въ этомъ пивѣ?
 Мы пива напьемся
 И всѣ соберемся.
 Ладо, ладо, ладо,
 И всѣ соберемся.
 Варили дѣвицы
 Пьяное пиво —
 Ладо, ладо, ладо
 Пьяное пиво.

Что у насъ будетъ
Въ этомъ пивъ?
Ладо, ладо, ладо,
Въ этомъ пивъ?

Мы пива напьемея
И всь помиримся.
Ладо, ладо, ладо,
И всь помиримся.

Но вотъ пѣсня, сопровождаемая игрою «скоморохомъ». Сдоставляется *крузь*; молодець, представляющій бездомнаго, ходитъ около кружка съ палкою, и стучить ею противъ дѣвушки, представляющей вдову. Весь крузь поеть:

13.

Скоморохъ ходилъ
Вдоль по улицъ,
Вдоль по широкой,
Онъ и стукался,
Онъ и брякался
У честной вдовы
Подъ окошечкомъ:
Ты нусти, нусти,

Да честна вдова,
Скомороха почевать;
Положи его,
Ты, на мягкую
На перинушку,
На пуховую
На подушечку.

Также около кружка ходитъ молодець, подъ напѣвъ слѣдующей пѣсни; въ среднѣй кружка становится дѣвушка, представляющая царевну; при словахъ: «Возьми ее за бѣлы руки» — онъ входитъ въ кружокъ, заставляеть плясать и потомъ целуетъ, соображая эти поступки съ указаніемъ на нихъ пѣсни, которую поютъ играющіе:

14.

2. Ходитъ царь
Вкругъ Нова-города
Вкругъ нова-широка;
2. Ищеть царь
Царевну свою,
Королеву свою.
2. Гдѣ-то она,
Царевна моя,
Королева моя?
2. Ай во-се она
Да царевна твоя,
Королева твоя;
2. Золотымъ вѣвцомъ
Да просвѣтила,
Да просвѣтила;
2. Золотыи ключи
Да пробрѣнула,

Да пробрѣнула.
2. Возьми ее,
Царевну свою,
Королеву свою;
2. Возьми ее
За бѣлы руки,
Да за бѣлы руки;
2. Поцалуй ее
Во уста сахарны,
Во уста сахарны;
2. Заставь ее
Скакать и плясать,
Скакать и плясать.
2. Скокни, царевна,
Царевничъ вельмъ,
Молодой приказаль.

Слѣдующая пѣсня зовется, по игръ, «Воробушекъ»:

15.

У воробушка: головушка болѣла,
 Ужь болѣла, ужь болѣла, ужь шумѣла;
 Онъ на правую на ножку припадаеть,
 Припадаеть, припадаеть, припадаеть.
 Что пора, тебѣ, воробушекъ, садиться,
 Ужь садиться, ужь садиться, ужь садиться,
 Среди кружка на лужечикъ,
 На лужечикъ, на лужечикъ, во кружечикъ.
 У воробушка головушка болѣла,
 Ужь болѣла, ужь болѣла, ужь болѣла;
 Что пора тебѣ, воробушекъ, шевелиться.
 Шевелиться, шевелиться, шевелиться.
 У воробушка головушка болѣла,
 Ужь болѣла, ужь болѣла, ужь шумѣла;
 Что пора тебѣ, воробушекъ, вставати,
 Ужь вставати, ужь вставати, ужь вставати.

Во время пѣнія одинъ изъ молодцевъ или одна изъ дѣвушекъ входитъ въ *кружъ* и выполняетъ содержаніе пѣсни пластическимъ тѣлодвиженіемъ.

Иногда играющіе не составляютъ кружка, но садятся на мѣста, и поютъ:

16.

Ахъ, ты, вѣнчикъ мой,
 Да вѣночекъ; 2
 Въ полѣ розовый
 Да цвѣточекъ; 2
 На кого тебѣ, вѣночекъ,
 Положити? 2
 Положу тебѣ, вѣночекъ,
 На головку, 2
 Какъ на душечку
 На дѣвицу. 2
 Что не кумъ со кумою
 Покумился; 2
 Среди кружка
 Становился; 2
 И платочками
 Размѣнялся; 2
 Еще ты, мой кумъ,
 Еще я твою кума;
 Гдѣ мы сойдемся,
 Тутъ обоймемся,

Поцагуемся,
 Разойдемся. 2
 Ахъ ты, вѣнчикъ мой,
 Да вѣночекъ; 2
 Въ полѣ розовый
 Да цвѣточекъ; 2
 На кого тебѣ, вѣночекъ,
 Положити? 2
 Положу тебѣ, вѣночекъ,
 На головку, 2
 На удалую
 Молодецку, 2
 Молодецкую,
 Книженецку. 2
 Что не кумъ со кумою
 Покумился, 2
 Среди кружка
 Становился, 2
 И платочками
 Размѣнялся; 2

Еще ты мой кумъ
Еще я твою кума;
Гдѣ мы сойдемся,

Тутъ обоймемся;
Поцалуемся,
Разойдемся. 2

Молодецъ при началѣ пѣсни выходитъ съ платкомъ въ рукахъ или на плечѣ, разумѣя подѣ платкомъ вънокъ; при словахъ: «положу тебя, въпочекъ» — кладетъ платокъ на плечо какой-нибудь дѣвушки, которая встаетъ, и они *кумятся*. Послѣ этого молодецъ садится, а дѣвушка ищетъ въ свою очередь кума; положивъ свой платокъ на плечо избраннаго, *кумятся*, и т. д. Поцалуи заключаетъ каждое кумовство, которое достается каждому изъ играющихъ, какъ случай—выбрать любимаго или любимую и поцаловать съ позволенія пѣсни.

Игра «*олень*» затѣвается почти на каждой вечеринкѣ, супротивъ или свадьбѣ, въ зимнее время; лѣтомъ я рѣдко слышалъ ее. При пѣніи —

17.

С дить олень
Подѣ кустичкомъ,
Подѣ ракивовымъ.
Что тепло ли тѣ, олень?
Студено ли тѣ, олень?
Мнѣ не то тепло,
Мнѣ не то студено;
Приодвѣйте меня,
Да приокутайте:

Что со дѣвушки вънокъ,
Со молодушки платокъ,
Со старой бабы шлыкъ,
Съ огорода шибы;
Какъ со малова ребенка
Пеленочка;
Съ молодца удалца
Шапка бархатная.

Кто-нибудь садится по срединѣ кружка на стулѣ и собираетъ кольца и перстни дѣвушекъ и мужчинъ; послѣ нѣсколькихъ повтореній этой пѣсни поютъ:

18.

Сидитъ, сидитъ ящерь,
Ой дяди, ой ладо!
На золотѣ стулѣ —
Ой дяди, ой ладо!

Грызеть, грызеть ящерь—
Ой дяди, ой ладо!
Ореховы ядра
Ой дяди, ой ладо!

Собравшій, во время пѣнія этихъ пѣсень, кольца и перстни или фанты, приглашаетъ думныхъ бояръ, и спрашиваетъ: «чей фантъ вынется, что тому дѣлать?» Бояре назначаютъ исполнить какое-нибудь дѣло, иногда что-нибудь забавное. Исполнение приказанія бояръ иногда смѣшивать всю бесѣду, иногда стыдить

исполняющаго, а иногда и радуется, если порученіе состоитъ въ произволѣ на поцалуи.

Есть еще игра, сопровождаемая особою пѣснью: или составляется *кружокъ*, или играющіе садятся по мѣстамъ; молодецъ и выходитъ на средину круга, и, поступая по словамъ пѣсни, снимаетъ шляпу или шапку и кладетъ передъ вдовою, а если ве случится ея въ бесѣдѣ, то передъ какимъ-нибудь мужчиною; вдова отталкиваетъ шляпу; молодецъ, надѣвъ ее, снова снимаетъ и кладетъ передъ дѣвушкою, которая поднимаетъ ее, приглаживаетъ волосы молодцу, надѣваетъ на него шляпу, потомъ цалуется, — и игра оканчивается, или начинается снова, при пѣніи:

19.

Ужъ какъ звали молодца,
Почитали удальца,
Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
На пирь въ гости, посидѣть,
На бесѣду поглядѣть.
Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Посадили молодца,
Посадили удальца,
Дунай мой, Дунай
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Противъ вдовушки на скамью,
Противъ горькой на соснову.
Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Я на вдовушку взгляну,
Тяжелешенько вздохну;
Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Пухову шляпу сниму,
Противъ вдовушки брошу;
Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Ахъ, ты, вдовушка, подай,
Горегорькая, подними;
Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!

«Не слуга, сударь, твоя,
Я не слушаю тебя».
Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Ужъ какъ звали молодца,
Почитали удальца—
Дунай мой, Дунай
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
На пирь въ гости посидѣть,
На бесѣду поглядѣть.
Дунай мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Посадили молодца,
Посадили удальца—
Дунай мой, Дунай
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Противъ дѣвушки на стульчикъ,
Противъ красной на ремсичатъ.
Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Я на дѣвушку взгляну,
Полгошеньку вздохну;
Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Пухову шляпу сниму,
Противъ дѣвушки положу.
Дунай мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!

Ахъ, ты, дѣвушка, подай,
 Раскрасотка подними.
 Дунай мой, Дунай,
 Сыпь Ивановичъ, Дунай!
 «Я слуга, сударь, твою,
 Я послушаюсь тебя»;
 Дунай мой, Дунай,
 Сыпь Ивановичъ, Дунай!

«Пухоку пляху подниму,
 Черны кудри расчешу»;
 Дунай мой, Дунай,
 Сыпь Ивановичъ, Дунай!
 «Черные кудри расчешу,
 Поцалую, обойму.»
 Дунай мой, Дунай,
 Сыпь-Ивановичъ, Дунай!

Но вотъ и самая потѣшная пѣсня, не столько по содержанию ея, сколько по игрѣ, доставляющей возможность играющимъ ко многимъ поцалуямъ:

20.

Кони, вы кони,
 Лошади казенны,
 Завтра, васъ, кони,
 Конюхамъ на нужду,
 Боярамъ на службу.

Пойте ихъ, кормите,
 Сѣна валите,
 Сѣна до колына,
 Овса до счетки.

При пѣнии этой пѣсни одна изъ женщинъ свертываетъ платокъ веревочкой, и, выбравъ *конюхою* - молодецъ, назначаетъ нѣмъ кобылокъ-дѣвушекъ, велитъ понять и кормить ихъ, т. е. цаловать; повторивъ нѣсколько разъ слова этой пѣсни, приносятъ скамейку, и затѣявшая игру заставляетъ перепрыгивать дѣвушекъ чрезъ скамейку; но предъ-тѣмъ каждый *конюхъ* цалуетъ свою кобылку нѣсколько разъ, чтобы лучше исполнила свое дѣло. Если дѣвушкѣ поправились поцалуи ея конюха, то, разумѣется, она и не перепрыгнетъ чрезъ скамейку, съ тѣмъ, чтобы заставить еще поцаловать себя; а между-тѣмъ конюха, какъ худо-кормившаго свою лошадку, женщина бьетъ платкомъ—*жеутамъ*.

Нѣкоторыя изъ приведенныхъ мною пѣсень помѣщены г. Сахаровымъ въ «*Пѣснихъ русскаго народа*» (часть 2), но весьма различествуютъ съ ними, какъ-то: 6, 7, 10, 11 и 12 «Ходитъ царь вокругъ Нова-города», «У воробушки голова болѣла», «Сидитъ олень подъ кустичкомъ», «Сидитъ, сидитъ ящеръ», «Ужъ какъ звали молодца, почитали удалца»; другихъ же совсѣмъ нѣтъ у него. Круговыя сибирскія пѣсни отличаются еще, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ, болѣею правильно-

стію расположенія слоговъ долгихъ съ короткими. — Между-тѣмъ замѣчательно и то, что, при *скороливъ пѣннѣ* круговыхъ, прибавляютъ почти къ каждому слогу звукъ *дт*; напр: «Во са-дт-ду-дт-ли-дт, во-дт-го-дт-ро-дт-дѣ-дт дѣ-дт-ви-дт-ца-дт гу-дт-ля-дт-ла-дт», — особенно въ *пѣсньхъ*

Оканчивая извѣстіе о *круговыхъ* сибирскихъ пѣсняхъ, я хотѣлъ бы рѣшить недоумѣніе, почему онѣ въ Россіи называются *хороводными*, — словомъ, корень котораго «*хоръ*» видимо ипоземный? У насъ нѣтъ отъ этого слова производныхъ рѣченій, исключая: *хороводъ хористъ*, и ни въ одной старинной пѣснѣ вы его не встрѣтите, между-тѣмъ какъ въ нихъ часто говорится о *кружкѣ*, кругѣ.

Г. Сахаровъ, придавая слову «*хороводъ*» древнее гражданство въ русскомъ языкѣ, говоритъ (Пѣсни русскаго народа, часть 2 стр. VIII), что Богемцы, Хорваты, Карпато-Россы, Морляки и Далматы обратили его въ *коло*, *Kolo*; — но не уже ли и Сибиряки обратили *хороводъ* въ *крувъ*, или то же *коло*? Напротивъ, въ Сибири говорятъ: «играть кружкомъ», «пѣть круговую пѣсню», — и слово «*хороводъ*» извѣстно тамъ, по-крайней-мѣрѣ, въ округѣ Колывановоскресенскихъ Заводовъ, изъ однихъ только пѣсенниковъ и то немногимъ грамотнымъ горожанамъ, а простой народъ совсѣмъ и не знаетъ его. Не издателямъ ли первыхъ пѣсенниковъ обязаны мы введеніемъ въ нашъ языкъ чужаго слова?

СТ. ГУЛЯВЪ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ РѢДКОСТИ. Пречестныи Аклоусты *всеседмичными со стихеры и каноны, и мѣже прилижыми: и прогилъ благопотребными моления.* Вторымъ топомъ, въ святой великой чудотворной *Киевопечерской Лаврѣ*, между *патріаршествомъ*, благословеніемъ преосвѣщеннаго собора, при всечестномъ господинѣ отцѣ Іосафѣ *Кроковскомъ*, архимандритѣ, тося-жде святыхъ лавры *печерскія* изобразившася. Въ лѣто *отъ созданія міра 3СДІ* отъ *рождества христово* 1706 *.

* Означенный экземпляръ этой рѣдкой книги былъ пожалованъ государемъ императоромъ Петромъ-Великимъ его кабинетному писмоводителю Козимъ Васильевичу *Макарову*; теперь онъ принадлежитъ внуку этого Макарова, пронской помѣщицѣ Пр. Гр. Макаровой и хранится, какъ фамильная рѣдкость, утвержденная семейнымъ преданіемъ.